

СЕВЕРНАЯ АЗИЯ В СОВРЕМЕННЫХ ТРАНСРЕГИОНАЛЬНЫХ И МЕЖДУНАРОДНЫХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯХ

Приводится общий анализ ключевых политических, социально-экономических, социокультурных и демографических факторов, определяющих включенность Северной Азии в комплексы трансрегиональных и международных взаимосвязей. Реконструированы теоретико-методологические основы, позволяющие провести подобный анализ, останавливаясь на теории региональных комплексов безопасности. Предпринимается попытка прогноза эволюции роли Северной Азии в региональных подсистемах и международной системе.

Ключевые слова: Северная Азия; региональный комплекс безопасности; постсоветская подсистема международных отношений; азиатский сверхкомплекс; Евразийский экономический союз.

Теоретико-методологические основы анализа места Северной Азии в трансрегиональных взаимодействиях и международной системе. Биполярная структура международной системы в высокой степени определяла направление и динамику процессов на ее региональных «этажах», подчиняя их логике межблокового противостояния. Основные теоретические подходы к исследованию международных отношений пытались выявить закономерности, действующие в международной системе в целом, рассматривая региональную проблематику как вторичную и подчиненную логике биполярности либо формирующейся глобальной взаимозависимости.

С кардинальными переменами на глобальном уровне международной системы, произошедшими в начале 1990-х гг., исчезла ясность относительно ее структуры и направления эволюции; как правило, исследователи видели формирующееся мироустройство одно- или многополярным (или, пытаясь отразить его сложность, предлагали новую терминологию «одно-многополярности» или «плюралистической однополярности») либо фокусировали внимание на фундаментальных глобализационных сдвигах. Эти концепции, однако, сами по себе не содержали ответов на вопросы о стабильности нового порядка и влиянии новой структуры международной системы на ее элементы и подсистемы. В условиях, когда жесткая структурированность системы международных отношений ушла в прошлое, международные процессы стали приобретать более четко выраженное региональное измерение.

Необходимость исследования проблем региональной безопасности и конфликтов, трансрегионального сотрудничества и интеграционных процессов, деятельности региональных международных организаций сталкивается с недостаточной разработанностью региональной проблематики в рамках теории международных отношений. Соотношение и взаимовлияние глобального и регионального уровней международной системы, понятия региона и региональной подсистемы, критерии выделения и разграничения регионов, их формирование и эволюция, внутренняя организация региональных подсистем и взаимодействие между ними остаются дискуссионными вопросами, окруженными многими концептуальными и терминологическими неясностями.

В классических работах по теории международных отношений региональная проблематика не рассматривается как имеющая собственную специфику, не сводимую к свойствам системы международных отношений и ее основных элементов – национальных государств. М. Каплан, предпринявший одну из первых попыток приложения системного подхода к объяснению международных отношений, рассматривал ведущие национальные государства как подсистемы международной системы. Согласно Каплану, «в политической системе может доминировать либо система, либо подсистемы. Политическая система доминирует над подсистемами в той степени, в которой ее существенные правила действуют как параметрические “данные” для любой конкретной подсистемы» [1. Р. 16]. Для международной системы, с точки зрения Каплана, характерна тенденция к доминированию подсистем над системой.

Неореалистическая традиция исходит из преобладания системного уровня над элементами и подсистемами. Основоположник неореализма К. Уолтц полагает, что «система, в которой доминирует подсистема, вообще не является системой» [2. Р. 58]. Система состоит из структуры и взаимодействующих частей, причем в структуре международной системы Уолтц выделяет три яруса: организующий принцип (иерархия или анархия), функциональная дифференциация элементов и распределение возможностей среди элементов (полярность). Современная международная система организована анархически и состоит из функционально подобных элементов – национальных государств; меняется только ее полярность. Структура системы организует поведение элементов и налагает на него ограничения [2. Р. 67–101]. В рамках классической неореалистической концепции, таким образом, не вписывается самостоятельная роль региональных комплексов международных отношений.

Развитие интеграционных процессов в Западной Европе и создание военно-политических и экономических группировок в Юго-Восточной Азии, Восточной Европе, Латинской Америке, Африке стимулировали появление в 1960-е – начале 1970-х гг. ряда работ, в которых предпринимались попытки теоретической разработки проблематики регионов и региональных подсистем. Так, в 1970 г. вышла в свет фундаментальная работа американских ученых Л. Кантори и С. Шпигеля, в которой проблематика международ-

ных регионов рассматривалась сквозь призму системного подхода. Кантори и Шпигель понимали под регионами «области мира, содержащие географически близкие государства, являющиеся внешнеполитически взаимосвязанными единицами» [3. Р. 1]. Отождествляя регион и региональную подсистему (в терминологии Кантори и Шпигеля, «подчиненную систему»), авторы констатировали, что «подчиненная система состоит из одного государства или двух и более близких и взаимодействующих государств, которые обладают рядом общих этнических, лингвистических, культурных, социальных и исторических связей и чье чувство идентичности иногда усиливается действиями и отношением государств, внешних для этой системы» [3. Р. 6–7]. Были выделены четыре фактора разграничения подсистем: характер и уровень сплоченности (социальной, экономической, политической и организационной), характер коммуникации, уровень власти (распределение силовых возможностей среди стран региона) и структура отношений (к которой авторы относили степень сотрудничества и конфликта между государствами, причины дружественных или враждебных отношений и средства, которые страны используют для поддержания взаимосвязей) [3. Р. 7–15].

Кантори и Шпигель полагали, что любое государство является элементом только одной региональной подсистемы. Исключение делалось для «наиболее мощных государств», активно действующих в нескольких подсистемах, и нескольких стран, расположенных на границе двух подсистем, которые авторы рассматривали как относящиеся к двум регионам одновременно (например, Турции, Афганистана, Бирмы) [3. Р. 5]. В региональных подсистемах, по мнению Кантори и Шпигеля, может быть выделен центральный сектор («фокус международной политики в пределах данного региона») и периферия, «отчужденная от центрального сектора... социальными, политическими, экономическими или организационными факторами» [3. Р. 20, 22]. Допускалось существование в регионе нескольких центров.

Работа Кантори и Шпигеля стала первым исследованием, поставившим основные вопросы теории и методологии изучения и сравнения региональных подсистем международных отношений. Однако авторы ввели столь большое количество факторов разграничения регионов, что оперировать ими в совокупности на практике оказалось аналитически непосильной задачей. Понятие структуры региональной подсистемы трактовалось Кантори и Шпигелем настолько широко, что становилось затруднительным отличить структуру от процесса и практики межгосударственных отношений в регионе.

В целом в исследованиях 1960–1970-х гг., при всей важности сформулированных в них обобщений и выдвинутых гипотез, не удалось разграничить глобальный и региональный уровни международной системы и определить критерии выделения региональных подсистем. «Вес» опубликованных во второй половине 1970-х гг. фундаментальных работ неореалистического, неолиберального и мир-системного подходов, акцентирующих внимание на международной системе и

глобальных процессах, притормозил попытки построения теории региональных подсистем.

Интерес к международно-политической специфике регионов оживился с концом холодной войны. Хотя первые наброски нового подхода к описанию и объяснению международных процессов в регионах были сделаны британским ученым Б. Бузаном еще в 1983 г. [4], именно в 1990-е – начале 2000-х гг. в работах Бузана и датского исследователя О. Вэвера была построена целостная теория регионального уровня международных отношений [5–7]. Ее ключевым понятием является «региональный комплекс безопасности», определяемый как «группа государств, чье восприятие безопасности и основные интересы в этой сфере настолько взаимосвязаны, что проблемы национальной безопасности одного государства не могут быть адекватно проанализированы или разрешены в отрыве от проблем других государств» [6. Р. 12].

Термины «региональный комплекс безопасности» и «региональная подсистема» применяются Бузаном и Вэвером как синонимы [6. Р. 11]. Региональные комплексы безопасности (РКБ) вписываются в структуру международной системы, понимаемой в неореалистической традиции как ее четвертый ярус. Предполагается, что существование этого яруса – «естественная черта любой большой анархической международной системы, элементы которой территориально фиксированы» [8. Р. 333]. Выделяются отличительные свойства регионального комплекса безопасности: он состоит из двух или более государств; эти государства образуют географически сплоченную группировку; межгосударственные отношения отличаются взаимозависимостью в сфере безопасности, выраженной значительно сильнее, чем взаимозависимость между странами региона и внерегиональными государствами; эта взаимозависимость носит глубокий и длительный характер [6. Р. 15].

Может показаться, что отождествление РКБ и региональной подсистемы обедняет последнее понятие, сводя его к военно-политическим аспектам межгосударственных взаимодействий. Однако Бузан и Вэвер рассматривают понятие «безопасность» расширительно, выделяя пять секторов безопасности (военный, политический, экономический, общественный и экологический) и детально показывая, как происходит синтез этих секторов, позволяющий выделять РКБ, в которых все измерения безопасности сводятся воедино.

РКБ характеризуются «сущностной структурой», включающей границу комплекса, анархическую организацию, полярность (распределение силовых возможностей среди государств) и социальную конструкцию, под которой понимается распространение моделей дружественного и враждебного поведения во внутререгиональных отношениях. Соответственно, возможны три варианта эволюции РКБ: поддержание статус-кво; внутренняя трансформация – структурные изменения в пределах границы; внешняя трансформация – расширение или сокращение границ комплекса [7. Р. 53].

Бузан и Вэвер выделяют в исследованиях РКБ четыре уровня анализа: внутривнутригосударственный, соб-

ственно региональный, межрегиональный (взаимодействие комплекса с соседними регионами) и глобальный – роль великих держав в РКБ. Согласно концепции авторов, на глобальном уровне международной системы находятся сверхдержавы, действующие в рамках всей системы, и великие державы, чье влияние сказывается, как правило, в нескольких регионах. Поведение сверхдержав по отношению к великим державам и великим державам по отношению друг к другу строится на основе расчетов системного (глобального) уровня. Этим великие державы отличаются от региональных держав, определяющих полярность на уровне РКБ. После холодной войны определяющим для глобального уровня международной системы является, по мнению Бузана и Вэвера, существование одной сверхдержавы (США) и четырех великих держав (Европейского союза, России, Китая и Японии) [7. Р. 34–37].

Бузан и Вэвер выделяют различные типы РКБ. В *стандартном* РКБ полярность определяется региональными державами. Однополярные РКБ, в которых полюс представлен сверхдержавой или великой державой, получили название *централизованных*. К этой же категории отнесен единственный *институциональный* РКБ, приобретающий характеристики великой державы, – Европейский союз. В *великодержавных* РКБ существуют два или несколько полюсов, но при этом каждый полюс представлен великой державой. Для описания случаев высокой и устойчивой межрегиональной взаимозависимости в сфере безопасности вводится понятие *сверхкомплекса*, объединяющего ряд региональных подсистем [7. Р. 55–60]. В рамках РКБ могут существовать *субкомплексы* – группы государств, чье взаимодействие отличается специфическим характером. Субкомплексы «прочны встроены» в региональный комплекс, частями которого они являются [7. Р. 51].

В концепции Бузана и Вэвера государство может быть частью только одного регионального комплекса (хотя и более чем одного субкомплекса или сверхкомплекса); РКБ, таким образом, не пересекаются и не налагаются друг на друга. Государства, находящиеся за пределами региона (как правило, великие державы), могут *проникать* в РКБ, если между ними и странами региона формируются значимые с точки зрения безопасности связи, но это не означает, что они при этом сами становятся элементами региональной подсистемы [7. Р. 46–48]. Ряд стран находятся между несколькими РКБ, занимая так называемую зону безразличия, взаимозависимость между которой и сопредельными РКБ невысока [7. Р. 483]. Эти государства называются *изолирующими* (*insulators*). По мысли авторов, они «впитывают периферийную энергию различных РКБ», но неспособны связать два комплекса [7. Р. 485]. Рассматривая в качестве соответствующих примеров Турцию, Афганистан и Бирму, Бузан и Вэвер, однако, признают, что концепция «изолирующих государств» нуждается в более глубокой и тщательной проработке.

Отечественными учеными-международниками еще в 1980-е гг. было сформулировано понятие «международный политический регион», понимаемое как

«отдельная подсистема межгосударственных отношений, которые сопряжены с конкретными, наиболее крупными и значительными географическими зонами» [9. С. 362]. При этом подчеркивалось, что неотъемлемым отличительным признаком международного политического региона должен служить «достаточно очерченный и специфический комплекс политических проблем, являющихся объектами отношений» входящих в него государств [9. С. 363]. Выделение группы государств в качестве международного политического региона должно было опираться на выявление соответствующей международно-политической проблематики и «в то же время относительно соответствовать общепринятым... границам сложившегося в географическом смысле региона» [9. С. 363]. В концепции советских ученых допускалось, что одно и то же государство может входить в несколько различных международных политических регионов [9. С. 364–365].

В 1990-е гг. российским международником А.В. Мальгиным было предложено понятие «международно-политический регион», явно восходящее к концепции 1980-х гг., но несущее несколько иную смысловую нагрузку. А.В. Мальгин определил международно-политический регион как «пространственную единицу, обладающую специфическим набором типологических параметров, придающих ей некоторую целостность и автономию в международных отношениях в целом» или «совокупность общих явлений международной жизни, протекающих в определенных территориально-временных координатах» [10. С. 33]. Нетрудно заметить, что термин «международно-политический регион» оказывается более гибким и широко применимым, чем понятие «международный политический регион»: во-первых, в сформулированных А.В. Мальгиным определениях опущено требование о соответствии «общепринятым» географическим разграничениям, а во-вторых, международно-политический регион не должен непременно являться международной подсистемой.

Наше исследование факторов, определяющих степень и динамику вовлеченности современной Северной Азии в трансрегиональные взаимодействия и международную систему, основывается, прежде всего, на теории региональных комплексов безопасности, разработанной Бузаном и Вэвером. В нашем исследовании принимаются данное ими определение регионального комплекса (региональной подсистемы), дополненное перечнем отличительных признаков РКБ; понятия о региональных субкомплексах и сверхкомплексах; исходные положения их концепции, в частности разграничение глобального и регионального уровней международной системы и признание государств элементами не более чем одного регионального комплекса; предложенное Бузаном и Вэвером определение структуры РКБ и построенную ими типологию региональных комплексов. В то же время в данной работе вместо понятия РКБ преимущественно употребляется устоявшийся в отечественной научной литературе термин «региональная подсистема».

В нашем исследовании используется также понятие «международно-политический регион» и проводится различие между международно-политическим

регионом и региональной подсистемой. Рассмотренные подходы к изучению регионального уровня международных отношений признают, что региональные подсистемы имеют собственные структуры; данное исследование также исходит из того, что говорить о существовании региональной подсистемы допустимо лишь при условии структурированности внутрирегиональных взаимодействий. В то же время международно-политический регион может быть как структурированным (и в этом случае представлять собой региональную подсистему), так и неструктурированным либо находящимся в процессе формирования структурных характеристик.

Политические, социально-экономические, социокультурные и демографические факторы вовлеченности Северной Азии в трансрегиональные и международные взаимодействия. Политические аспекты включенности Северной Азии в трансрегиональные и международные взаимосвязи, на первый взгляд, вполне очевидны. Являясь частью российского государства, Северная Азия встроена в постсоветский региональный комплекс безопасности, или постсоветскую региональную подсистему, единственным полюсом которой является Россия. Постсоветская подсистема образует, вместе с подсистемой, существующей в рамках и вокруг Европейского союза, европейский сверхкомплекс [7. Р. 437–442]. В то же время ряд политических факторов оказывает противоречивое влияние на роль Северной Азии как макрорегиона России в постсоветской подсистеме и европейском сверхкомплексе:

1. Нарастание уровня конфронтационности в европейском сверхкомплексе в 2013–2019 гг., проявившееся в конфликте между Россией и ЕС вокруг Украины и санкционной войне Москвы и Брюсселя, подтолкнуло российское руководство к активизации политического и военно-политического взаимодействия с Китаем, развитию политического диалога между Россией и Ассоциацией государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН), попыткам углубления политического взаимодействия с Индией и в трехстороннем российско-китайско-индийском формате. Был взят курс на вывод из многолетнего застоя российско-японского политического взаимодействия. Знаковыми событиями стали резкая интенсификация российско-китайских и российско-японских политических контактов, присоединение к Шанхайской организации сотрудничества Индии и Пакистана, проведение первой встречи на высшем уровне между Россией и АСЕАН. Соответственно, Северная Азия становится не «глубоким тылом» российской внешней политики, а макрорегионом, опираясь на который Россия пытается решить ряд стратегически ключевых и тактически безотлагательных задач своей внешней политики.

2. Рост напряженности в восточноазиатской подсистеме, спровоцированный развитием северокорейской ядерной программы и являющийся в значительной степени проявлением структурных противоречий глобального уровня международной системы между США и Китаем, повышает военно-стратегическую значимость и уязвимость Северной Азии. Японией взят курс на наращивание собственного военного по-

тенциала и отход от пацифистской традиции, сформировавшейся после поражения страны во Второй мировой войны. Неопределенность будущей модели межгосударственных отношений в Восточной Азии, рельефно проявившаяся в 2017–2019 гг., превращает российскую стратегию «разворота на Восток» в проект, чреватый гораздо большими военно-политическими рисками, чем это представлялось при его запуске в 2014 г.

3. Трансформация постсоветской региональной подсистемы международных отношений идет в направлении формирования автономной центрально-азиатской региональной подсистемы, политическая связанность которой с Россией ослабевает [11]. Соответственно, юго-западная часть Северной Азии становится территорией, граничащей *не с частью той же региональной подсистемы, а с иной региональной подсистемой*, характеризующейся собственными структурными характеристиками и динамикой безопасности.

4. Географически близкие к постсоветской Центральной Азии территории Северной Азии становятся более подверженными транснациональным угрозам, распространяющимся из Афганистана и Южной Азии, а также генерируемым непосредственно в Центральной Азии.

Среди *социально-экономических* аспектов включенности Северной Азии в трансрегиональные и международные взаимосвязи определяющим фактором является *ускоренное развитие экономических связей макрорегиона с Китаем*. Как известно, с 2010 г. Китай стал ведущим торговым партнером России, доля которого в общем товарообороте страны составила по итогам 2019 г. 16,6% [12]. Для абсолютного большинства субъектов Российской Федерации, расположенных в Северной Азии, КНР является безусловным лидером во внешней торговле [13]. При этом роль Северной Азии состоит преимущественно в сырьевом обеспечении китайского экономического роста нефтью, природным газом, древесиной и цветными металлами. Отражением этой тенденции стали известные крупные инфраструктурные проекты: нефтепровод «Восточная Сибирь – Тихий океан» (с заработавшим в 2011 г. ответвлением на Китай) и газопровод «Сила Сибири», поставки по которому в Китай начались в 2019 г. Китайский проект «Экономический пояс Шелкового пути» может означать усиление транспортной связанности Северной Азии с Китаем.

Усиливается и экономическая взаимосвязанность Северной Азии с Японией и Республикой Корея, хотя и со значительным отставанием от развития китайского направления. Заключение в 2017 г. соглашения о свободной торговле между Европейским союзом и Японией открывает перспективу роста объема грузоперевозок между Японией и странами ЕС, часть из которых может пойти через Северную Азию, усилив, таким образом, связанность макрорегиона с японской экономикой – третьей по величине в мире.

Заметным социально-экономическим фактором, способным оказать влияние на включенность Северной Азии в трансрегиональные и международные связи, является *продолжающееся формирование*

Евразийского экономического союза (ЕАЭС). Функционирование ЕАЭС способствует связанности товарных рынков Северной Азии и Казахстана и создает возможности сохранения и расширения тенденции к экспорту рабочей силы из Центральной Азии в Россию, в том числе в Сибирь и на Дальний Восток. Диверсификации азиатских связей России служит созданная между ЕАЭС и Вьетнамом зона свободной торговли; этому же призваны способствовать ведущиеся, хотя и с большим трудом, переговоры о создании зон свободной торговли между ЕАЭС и Индией и ЕАЭС и Ираном. В то же время будущее ЕАЭС в средне- и долгосрочной перспективе остается неопределенным из-за усиления внутренних противоречий в Союзе и неясности формата взаимодействия между ЕАЭС и китайской инициативой «Экономический пояс Шелкового пути». Неясным остается и будущее взаимодействия ЕАЭС с Таджикистаном и крупнейшим центральноазиатским рынком – Узбекистаном.

В *социокультурном* плане Северная Азия, безусловно, остается частью российского цивилизационного пространства. В то же время социокультурное пространство макрорегиона трансформируется под влиянием *миграционного притока из Центральной Азии* [14]. Обращает на себя внимание рост количества иностранных студентов в университетских центрах Северной Азии – прежде всего, за счет абитуриентов из Казахстана, других государств Центральной Азии, Китая. Важный индикатор социокультурных сдвигов – резкий рост интереса к изучению китайского, в меньшей степени японского и корейского языков, китайской культуры, подстегиваемой эффективной деятельностью сети Институтов Конфуция и щедрой стипендиальной политикой китайских властей. В среднесрочной перспективе китайский язык прочно займет нишу второго (после английского) иностранного языка, оттеснив немецкий и французский языки на маргинальные позиции.

В *демографическом* плане Северная Азия продолжает терять население. За 1989–2010 гг. население Сибири и Дальнего Востока сократилось с 29 до 25,5 млн человек. Наибольший отток переживают северо-восточные регионы: так, с Чукотки за 1990–2010 гг. выехало 75% населения, из Магаданской области – 60%, из Камчатского края – 33%, из Сахалинской области и из Якутии – по 25% [15]. За эти годы население граничащих с Дальним Востоком китайских провинций Хэйлуцзян и Внутренняя Монголия выросло, соответственно, с 35,3 до 38,3 млн чел. и с 21,5 до 24,7 млн чел. Численность населения Узбекистана, с которым Россию связывает безвизовый режим, перешагнула в 2014 г. 30-миллионный рубеж, причем 26% населения страны моложе 15 лет. Продолжающаяся депопуляция Северной Азии на фоне роста населения в Восточной и Центральной Азии неизбежно создает угрозу для

способности российского государства контролировать макрорегион и, соответственно, является крупной угрозой национальной безопасности России.

Общий обзор факторов включенности Северной Азии в международные и трансрегиональные взаимодействия позволяет выдвинуть гипотезу о *втягивании Северной Азии в азиатский сверхкомплекс*, формирующийся в силу интенсификации трансрегиональных взаимодействий между восточноазиатской, южноазиатской и центральноазиатской подсистемами [7. P. 172–184; 16]. Социально-экономические факторы являются основной движущей силой включения Северной Азии в азиатский сверхкомплекс, однако этот процесс имеет и политические и социокультурные измерения, проявления которых будут усиливаться. Северная Азия, таким образом, становится территорией, где происходит наложение двух сверхкомплексов – азиатского и европейского.

В этой связи возможными представляются как минимум пять сценариев дальнейшей эволюции позиционирования Северной Азии в системе трансрегиональных и международных взаимосвязей:

1. Ускоренное включение Северной Азии в азиатский сверхкомплекс, чреватое ослаблением связанности Северной Азии с европейской частью России и расшатыванием российской государственности.

2. Реализация российским руководством стратегии мер, направленных на управление процессом встраивания Северной Азии в азиатский сверхкомплекс в интересах России и населения макрорегиона.

3. Усиление европейского сверхкомплекса через последовательное смягчение противоречий между Россией и Европейским союзом, открывающее перспективу формирования целостной европейской подсистемы международных отношений.

4. Укрепление постсоветской региональной подсистемы через развитие двусторонних связей между Россией и государствами постсоветского пространства, развитие ЕАЭС и Организации Договора о коллективной безопасности. Консолидация постсоветской (евразийской) подсистемы стала бы ограничителем процессов втягивания российских территорий, прежде всего Северной Азии, в азиатский сверхкомплекс.

5. Распад азиатского сверхкомплекса из-за конфликтов между Китаем и Индией, Китаем и Японией, американо-китайского конфликта (а также в силу комбинированного эффекта этих факторов). В этом случае возможен и распад восточноазиатской подсистемы на северо-восточноазиатскую и юго-восточноазиатскую (существовавшие в 1950–1980-е гг.). При реализации этого сценария воздействие на Северную Азию будет определяться степенью ее включенности в азиатский сверхкомплекс, формами и динамикой процесса его распада.

ЛИТЕРАТУРА

1. Kaplan M. System and Process in International Politics. N.Y. : Wiley, 1957.
2. Waltz K. Theory of International Politics. N.Y. : McGraw-Hill, 1979.
3. Cantori L., Spiegel S. The International Politics of Regions: A Comparative Approach. Englewood Cliffs; New Jersey; Prentice Hall, 1970.
4. Buzan B. People, States, and Fear. The National Security Problem in International Relations. Chapel Hill; N.C. : University of North Carolina Press, 1983.

5. Buzan B. *People, States and Fear: An Agenda for International Security Studies in the Post-Cold War Era*. Boulder, Colo. : L. Rienner, 1991.
6. Buzan B., Waever O., de Wilde J. *Security: A New Framework for Analysis*. Boulder, Colo. : L. Rienner, 1998.
7. Buzan B., Waever O. *Regions and Powers: The Structure of International Security*. Cambridge : Cambridge University Press, 2003.
8. Buzan B., Little R. *International Systems in World History: Remaking the Study of International Relations*. Oxford : Oxford University Press, 2000.
9. Система, структура и процесс развития современных международных отношений. М. : Наука, 1984.
10. Наринский М.М., Мальгин А.В. Проблемы развития Содружества Независимых Государств на современном этапе // Вестник РАМИ. 2001. № 2. С. 33–39.
11. Troitskiy E.F. Central Asian regional Security Complex: the Impact of Russian and US Policies // *Global Society*. 2015. № 1. P. 2–22.
12. Федеральная таможенная служба Российской Федерации. Итоги внешней торговли с основными странами за январь – декабрь 2019 г. URL: <http://customs.gov.ru/folder/511>
13. Сибирское таможенное управление. Экспорт и импорт Сибирского федерального округа по странам-контрагентам за 2019 г. URL: <http://stu.customs.gov.ru/document/text/225823>
14. Ryazantsev S. Labour Migration from Central Asia to Russia in the Context of the Economic Crisis // *Valdai Paper*. 2016. № 55 (August). URL: <http://valdaiclub.com/files/11628/>
15. Мкртчян Н.В. Города востока России «под натиском» демографического сжатия и западного дрейфа. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/2015/0631/analit03.php#_ftn1
16. Buzan B. The South Asian Security Complex in a Decentering World Order: *Regions and Powers* Ten Years On // *International Studies*. 2011. № 1. P. 1–19.

Статья представлена научной редакцией «История» 24 ноября 2020 г.

North Asia in Contemporary Transregional and International Interactions

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2020, 461, 131–137.

DOI: 10.17223/15617793/461/15

Guo Lijun, Sun Yat-sen University (Zhuhai, China). E-mail: guolj5@mail.sysu.edu.cn

Evgeny F. Troitskiy, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: eft@rambler.ru

Keywords: North Asia; regional security complex; post-Soviet regional system; Asian supercomplex; Eurasian Economic Union.

The article aims at determining the place of North Asia in the contemporary system of transregional and international interactions through the lens of political, socioeconomic, sociocultural and demographic factors. The authors give an overview of major theoretical and methodological approaches developed in foreign and Russian academic literature which focus on the interlinkages between the global and regional levels of the world system and the criteria of regional subsystems' delineation and classification. The analysis of early and classical attempts at applying the systems approach to the studies of international relations leads the authors to a focus on the regional security complex theory developed by Barry Buzan and Ole Waever in the 1990s–2000s. The categories and methodology of the regional security complex theory are the foundation of the authors' approach to the research problem. Relying on the official documents, statistics, and research literature, the authors analyze political, socioeconomic, sociocultural and demographic factors shaping the role of North Asia in the system of transregional and international interactions. As part of the Russian state, North Asia is encompassed by the post-Soviet regional security complex, also known as the post-Soviet regional subsystem. The post-Soviet system, along with the subsystem existing within and around the European Union, is part of the European supercomplex. However, the rise of tensions in Europe in 2013–2019 has pushed Russia to active policies in East Asia, transforming North Asia from a “deep rear” of the Russian foreign policy into a macroregion that is meant to become a springboard for the solution of crucially important strategic objectives of Russian foreign policy. At the same time, the major socioeconomic trend is North Asia's accelerating involvement into the Chinese field of economic gravitation. The sociocultural space of the macroregion undergoes transformations under the impact of migration flows from Central Asia. Seen against the backdrop of population growth in East and Central Asia, the ongoing depopulation of North Asia inevitably becomes a threat to the Russian state's ability to control the macroregion. In conclusion, the authors formulate the hypothesis about the inclusion of North Asia into the Asian supercomplex that comes into existence due to intensified interactions among the East Asian, the South Asian and the Central Asian subsystems. The socioeconomic factors are the main drivers accounting for North Asia's pivot to the Asian supercomplex, but this process also has political and sociocultural dimensions. Consequently, North Asia becomes a territory where two supercomplexes, European and Asian, overlap. The authors' hypothesis allows them to suggest five scenarios of North Asia's future positioning in the systems of transregional and international interactions.

REFERENCES

1. Kaplan, M. (1957) *System and Process in International Politics*. N.Y.: Wiley.
2. Waltz, K. (1979) *Theory of International Politics*. N.Y.: McGraw-Hill.
3. Cantori, L. & Spiegel, S. (1970) *The International Politics of Regions: A Comparative Approach*. Englewood Cliffs, New Jersey: Prentice Hall.
4. Buzan, B. (1983) *People, States, and Fear. The National Security Problem in International Relations*. Chapel Hill; N.C.: University of North Carolina Press.
5. Buzan, B. (1991) *People, States and Fear: An Agenda for International Security Studies in the Post-Cold War Era*. Boulder, Colo.: L. Rienner.
6. Buzan, B., Waever, O. & de Wilde, J. (1998) *Security: A New Framework for Analysis*. Boulder, Colo.: L. Rienner.
7. Buzan, B. & Waever, O. (2003) *Regions and Powers: The Structure of International Security*. Cambridge: Cambridge University Press.
8. Buzan, B. & Little, R. (2000) *International Systems in World History: Remaking the Study of International Relations*. Oxford: Oxford University Press.
9. Gantman, V.I. et al. (1984) *Sistema, struktura i protsess razvitiya sovremennykh mezhdunarodnykh otnosheniy* [System, structure and development process of modern international relations]. Moscow: Nauka.
10. Narinskiy, M.M. & Mal'gin, A.V. (2001) Problemy razvitiya Sodrzhestva Nezavisimykh Gosudarstv na sovremennom etape [Development problems of the Commonwealth of Independent States at the present stage]. *Vestnik RAMI*. 2. pp. 33–39.
11. Troitskiy, E.F. (2015) Central Asian regional Security Complex: the Impact of Russian and US Policies. *Global Society*. 1. pp. 2–22.
12. Federal Customs Service of the Russian Federation. (2019) *Itogi vneshney torgovli s osnovnymi stranami za yanvar' – dekabr' 2019 g.* [The results of foreign trade with the main countries for January – December 2019]. [Online] Available from: <http://customs.gov.ru/folder/511>.
13. Siberian Customs Office. (2019) *Eksport i import Sibirskogo federal'nogo okruga po stranam-kontragentam za 2019 g.* [Export and import of the Siberian Federal District by counterparty countries in 2019]. [Online] Available from: <http://stu.customs.gov.ru/document/text/225823>.

14. Ryazantsev, S. (2016) Labour Migration from Central Asia to Russia in the Context of the Economic Crisis. *Valdai Paper*. 55 (August). [Online] Available from: <http://valdaiclub.com/files/11628/>.
15. Mkrtchyan, N.V. (2015) *Goroda vostoka Rossii "pod natiskom" demograficheskogo szhatiya i zapadnogo dreyfa* [The cities of eastern Russia are "under the onslaught" of demographic contraction and western drift]. [Online] Available from: http://www.demoscope.ru/weekly/2015/0631/analit03.php#_ftn1.
16. Buzan, B. (2011) The South Asian Security Complex in a Decentring World Order: Regions and Powers Ten Years On. *International Studies*. 1. pp. 1–19.

Received: 24 November 2020